

Исследование и творчество. К методологии гуманитарных наук*

19 ноября 2007 года

Уфа, Восточный институт экономики,
гуманитарных наук, управления и права

Б. В. Орехов (ст. преп. каф. литературоведения ВЭГУ, асс. каф. зарубежной литературы и страноведения БГПУ им. М. Акмуллы), **Е. А. Слободян** (к.ф.н., ст. преп. каф. журналистики ВЭГУ, ст. преп. каф. русского языка БГПУ им. М. Акмуллы), **Л. А. Каракуц-Бородин** (к.ф.н., доц., зав. каф. журналистики ВЭГУ), **Ю. М. Камильянова** (к.ф.н., доц. каф. литературоведения ВЭГУ), **М. С. Рыбина** (асс. каф. зарубежной литературы и страноведения БГПУ им. М. Акмуллы), **С. С. Шаулов** (к.ф.н., ст. преп. каф. русской литературы и фольклора БашГУ), **С. Ю. Данилин** (ст. преп. каф. русской филологии БашГУ), **Р. Р. Вахитов** (к.филос.н., доц. каф. истории философии и науки БашГУ), **А. А. Галлямов** (к.ф.н., доц. каф. русской филологии БашГУ)

Б. В. Орехов: Ну, я, наверное, всем уже тут представлен, больше ничего нового о себе сказать не могу. Пару слов о том, зачем мы здесь вообще собрались. Есть мнение, как выяснилось, поддерживаемое разными людьми, что в Уфе не хватает филологического профессионального общения, хотя сегодня в аудитории присутствуют не только филологи. К сожалению, не все, кто ощущает этот самый недостаток в общении, по разным причинам сегодня пришли. Но вот как-то восполнить эту самую недостачу и призвана эта наша встреча. То есть фактически мы собрались здесь, чтобы попробовать, как мне это представляется, и если это будет интересно кому-то, если в этом будет какой-то смысл, то можно сделать такие встречи регулярными. Если смысла не будет (а зависит это полностью от нас), то, я думаю, они сами собой и прекратятся.

Относительно ВЭГУ и того, что мы собрались именно здесь. Семинар наш неформальный (я думаю, что форма научного семинара всем здесь присутствующим известна), и то, что вы сюда сегодня пришли, никоим образом вас

* Стенограмма впервые опубликована: Исследование и творчество. К методологии гуманитарных наук (стенограмма заседания филолого-методологического семинара «Третье литературоведение») [Текст] / Сост. Б. В. Орехов // Гуманитарные исследования в Восточной Сибири и на Дальнем Востоке. — 2008. — №3. — С. 72—83.

не пятнает. Просто, на мой взгляд и на взгляд тех, кто помогал устраивать эту встречу, это удачное место, здесь прилично и не грязно.

Относительно моей роли во всём этом. Я не претендую на роль патриарха седого, себе под руку покорившего и добро, и зло. Я всего лишь тот, кто посчитал возможным попробовать организовать эту встречу. Если найдётся кто-то, кто в силах взять на себя организацию подобных встреч и ведение заседаний, то я с радостью уступлю место старшим товарищам.

Ну, собственно, относительно вводной части это всё. Дальше — основное событие нашей повестки дня, это обсуждение статьи, вернее сказать, выступления Михаила Леоновича Гаспарова, условно говоря, «против Бахтина»¹. В нашей повестке дня есть ещё один пункт, который выводит сегодняшний разговор на более высокий уровень, чем просто разговор об одном выступлении. По идее, сегодняшнее обсуждение должно выйти вообще на методологию гуманитарных наук, и в качестве стимула для разговора об этом у меня есть письменный вопрос к участникам семинара, к сожалению, не смогшей сегодня присутствовать по объективным обстоятельствам Эльвины Ахнафовой Салиховой, недавно защитившейся доктора филологических наук, касающийся непосредственно методологии гуманитарных наук. Я думаю, я его озвучу позже, а для начала стоит обратиться к выступлению Гаспарова. Я надеюсь, что все, кто сегодня посчитал возможным прийти, ознакомились с этим текстом, и можно высказывать свои мнения. Но если требуется для этого задать какой-то каверзный глупый вопрос, который послужил бы стимулом для дискуссии, то у меня он есть, но можно его приберечь для более поздней стадии дискуссии. Есть ли мнения, которые позволили бы сразу обозначить позицию? Можно начать с какого-то совсем простого обсуждения, допустим, «вы с кем?», «по какую вы сторону границы?». Вы поддерживаете точку зрения Бахтина, Гаспарова или, может быть, вы считаете, что между ними нет какой-то принципиальной разницы? И дальше можно было бы говорить о том, насколько точка зрения, высказанная Гаспаровым, адекватна ситуации. Есть ли у кого-то желание что-либо сказать по этому поводу? Сергей Юрьевич, Вы считаетесь специалистом по этому вопросу.

С. Ю. Данилин: По вопросу я не специалист. Ну, как специалист! Я не называю себя так. В данном случае «вы за кого» мне напоминает анекдот про мартышку, которая говорит: «Я и умная, и красивая, куда мне? И туда, и сюда».

Б. В. Орехов: Очень хорошее сравнение.

С. Ю. Данилин: Противоречия тут как такового, как мне кажется, нет, если вчитаться. Гаспаров такую статью не одну написал. Одну в 1978 году.

¹ Вестник гуманитарной науки [Текст]. — 2004. — №6. — С.94—99.

URL: <http://vestnik.rsuhr.ru/article.html?id=54924>

В данном случае в 2004 у него было выступление. Они в чём-то разнятся и в чём-то схожи. Разнятся они в пафосе, пафос отрицания, конечно, в поздней статье больше. Кэрил Эмерсон об этом говорила, что здесь больше и эмоциональных определений Бахтина. А в целом, по большому счёту, если говорить, опять же, с гаспаровской позиции, и Гаспаров, и Бахтин взаимодополнительны. Один говорит об эмпирическом литературоведении, о точном литературоведении, ну, будем говорить так, о той концептуальной позиции, с которой, собственно, определённый смысл с помощью эмпирических наблюдений эти концепции и обретают. По большому счёту они взаимодополнительны. Можно тут говорить о взаимодополнительности с точки зрения Игоря Смирнова, помните, может быть, если кто-то читал его работы о типологии культуры, там он говорит, на основании Лихачёва, о примарной и секундарной культурах. То есть здесь у нас получается, что Гаспаров воплощает собой примарный тип культуры в данном случае, а Бахтин секундарный тип. Поэтому Гаспаров обвиняет его, скажем, в изобретении каких-то литератур, сравнивает его с Кьеркегором и так далее. Но другой вопрос, который меня больше всего заинтересовал, то, что Гаспаров, в какой-то степени, как мне кажется, не понимает того, что, так скажем, открыл Бахтин в гуманитарной культуре. Получается, что Гаспаров проявляет себя таким же образом, как Бахтин в его же статьях. То есть, не изучив до конца предмет, выстраивает его концепцию. Такой нюанс мне бросается в глаза.

Б. В. Орехов: А в чём конкретно это себя проявляет?

С. Ю. Данилин: Ну, по крайней мере, оперируя определёнными терминами, Бахтин многим терминам даёт свой особый смысл на основании своей общеполитической, общестетической концепции. Например, тот же термин «диалог». Избеганный термин. Ведь Бахтин под «диалогом» понимает разные вещи. Есть архитектурный диалог, есть композиционный диалог. То есть диалог на уровне композиции — Бахтин его диалогическим и полифоническим не признаёт. Вы помните, он выступает против драмы как полифонического жанра. В драме диалог изображается как объект, соответственно, с ним вступить в диалог невозможно. А здесь же Гаспаров приводит пример, по-моему, об аттической комедии как форме диалога: «более диалогической, чем мениппея». В данном случае Гаспаров не различает разное понимание диалога, которые использует Бахтин. Уже здесь мы видим недопонимание концепции Бахтина. И, соответственно, критика бьёт не в тот адрес, куда хотелось бы. Возникает как бы особый Бахтин, гаспаровский Бахтин.

Б. В. Орехов: Монологический.

С. Ю. Данилин: Да-да. Который, собственно, не совпадает с настоящим Бахтиным. То же самое получается: Гаспаров ведёт себя точно так же, как Бахтин в его статье. То есть можно его упрекнуть в том, что он не знает фактов, а свою концепцию литературоведения и методологии накладывает на

тот образ, который он сам же и создал.

Б. В. Орехов: Но Бахтина Вы всё-таки вводите в круг филологии и литературоведения. Гаспаров наоборот пытается с самого начала, с самых первых строк вывести из этого круга¹.

С. Ю. Данилин: Ну, опять-таки, смотря как понимать отношения между литературоведением, что понимает Гаспаров под литературоведением, литературной критикой, так скажем, и философией. Бахтин открыто заявляет о том, что основанием для литературоведения является философская эстетика. В данном случае вот эта ценностная позиция его и важна в его литературоведении. А Гаспаров ограничивает литературоведение какими-то эмпирическими фактами: наблюдениями и комментариями. В этом и разница позиций, что такое литературовед. С точки зрения Бахтина он литературовед, с точки зрения Гаспарова он не литературовед. Он философ в данном случае, потому что любое литературоведение должно опираться на философскую эстетику. Вот в этом, собственно, уже и разница, в разнице в понимании, что такое литературоведение, что такое литературная критика и т.д., и т.д.

Б. В. Орехов: Есть какие-то ещё мнения на этот счёт?

Р. Р. Вахитов: Мне кажется, Сергей напрасно старается их примирить.

С. Ю. Данилин: Нет, я в данном случае не примиряю. Наоборот, говорю, что Гаспаров не понимает того, о чём говорил Бахтин.

Р. Р. Вахитов: В начале твоей речи это прозвучало.

С. Ю. Данилин: В том-то и дело, что в начале я сказал, что с точки зрения Гаспарова, в том, что вырисовывается в его концепции, они взаимодополнительны, но если брать Бахтина не гаспаровского, то дополнительности не получается.

Р. Р. Вахитов: Значит, я неправильно тебя понял. Я-то считаю, что как

¹Из письма М. Л. Гаспарова Н. В. Брагинской:

Меня уложили на обследование раньше, чем я прочитал Вашу книгу полностью: начал я ее с выклеивания всех мемуарных фрагментов, а потом продолжал кусками вразнобой с 1920-х годов к концу и началу, так что ранних писем, о которых Вы делали оговорки, еще не знаю. Впечатление оказалось неожиданное и тяжелое: «вот человек, оказавшийся не на своем месте: человек творческий на месте исследовательском». Мне кажется, что «творческий» и «исследовательский» — это два заведомо несхожие человеческие склада: О. Ф<рейденберг>. явно была человеком творческим, но по каким-то обстоятельствам не могла создавать ни поэм, ни статуи, ни симфоний, и материалом имела только собственную жизнь и классическую филологию. С ними она и стала обращаться, как скульптор с мрамором, сопротивляющийся ее идее. («Разве ты еще не понял, что у меня не жизнь, а биография» — из письма вокруг поездки к Луначарскому). В науке это означало: не концепция для фактов, а факты для концепции, дорого не то, что было, а то, что могло бы быть — в точности по Аристотелю определению поэзии в противоположность науке. <8.8.84>

раз в данном случае Гаспаров стоит на позициях позитивизма откровенно¹. То есть я философ, я не филолог и, к сожалению, я не могу так аргументировано об этом говорить, как об этом говорил Сергей. И он больше специалист по Бахтину. Я Бахтина почти не знаю и это моя сознательная позиция, потому что я лосевец. Один московский лосевовед сказал, что нет ничего хуже, чем лосевцы-бахтинцы. Есть, говорит, и такой зверь: лосевец-бахтинец, и они самые худшие. Я просто лосевец, немного евразиец. Но в данном случае мне претит именно позитивизм Гаспарова, конечно. То есть я не отрицаю того, что он блестящий филолог. Я не специалист, но я с большим удовольствием читал его работы. Но ведь по сути дела, как и всякий позитивист, Гаспаров выстраивает какой-то такой совершенно искусственный образ науки. Вот этим я занимался. Я в своё время занимался философией науки, и представляю себе, что такое позитивистское представление о науке. Критерием научности является здесь правило верификации, возможность проверить на эксперименте. И всё неэкспериментальное отвергается. Почему позитивисты философию не считают наукой. Философские положения нельзя проверить экспериментом. Перед позитивизмом очень большая проблема встала: а логика? а математика? Там тоже эксперименты невозможны. Тем не менее, трудно не согласиться с тем, что это наука. И у позитивизма есть одна очень большая слабость, как мне кажется. Об этой слабости многие писали, собственно, начиная с Фридриха Энгельса в его «Диалектике природы», и кончая постпозитивистами: Фейерабендом, допустим, Томасом Куном. То есть, по сути дела, у Гаспарова тоже есть какая-то философская позиция. Но идеал науки филологии, который он создал, филологии, которая сугубо на верификации строится, на исследовании текста, недостижим, не существует в природе такой филологии. В природе существует филология, которая с одной стороны опирается на текст, а с другой стороны интерпретирует этот текст. И для интерпретации ей нужны философские концепции. И эти концепции у Гаспарова тоже есть. Только различие между ним и Бахтиным, насколько я это понимаю, состоит в следующем: Бахтин прямо и честно говорит: у меня такая-то и такая-то философская концепция. И из моей философской эстетики вытекает такая-то и такая-то форма интерпретации текстов. А у Гаспарова есть собственная концепция, но он не понимает, что она у него есть.

Б. В. Орехов: Интуитивная.

Р. Р. Вахитов: Это даже не интуиция.

С. Ю. Данилин: Имплицитная.

¹ Там же:

...а в положительной части — нагромождение мелких атомарных наблюдений, бессмысленных вне структуры: точь в точь по привычкам атомистического позитивизма 19 века. (Я не пристрастен, мое доброе отношение к позитивизму вообще Вы знаете.) <1997>

Р. Р. Вахитов: Как вот в советские времена говорили, что Гераклит стихийный диалектик. Диалектики не знал, но диалектически мыслил. Тут что-то вроде такого же, мне кажется. То есть если бы Гаспаров потрудились это сделать... Но ему просто было неинтересно, он был человек другого склада, не философского. Ему было интересно в таких мелочах копать. Есть такие люди, я к ним не принадлежу. И не совсем их понимаю. Здесь он проигрывает в дискуссии с Бахтиным. Потому что если мы эксплицируем его философскую платформу, если мы попытаемся её выразить, то получится что-то такое не очень внушительное и сильно проигрывающее тому, что делал Бахтин. Я хочу сказать, что не существует филологии без философии. Так же, как не существует никакой другой науки без философии. Текст нуждается в интерпретации, для интерпретации нужны какие-то положения, это очень общие положения, превышающие уровень абстракции, который используется в филологии.

С. Ю. Данилин: Гаспаров, мне кажется, разделяет просто литературоведение как науку и литературную критику. То есть ценностный аспект относится им к литературной критике. А литературная критика — это литература о литературе.

Р. Р. Вахитов: Он не о критике ведь здесь говорит.

Б. В. Орехов: Это предмет, которого он постоянно касается в разных статьях.

Р. Р. Вахитов: Я не почувствовал этого.

Б. В. Орехов: Я почувствовал, наверное, потому что я читал это в других его работах.

Р. Р. Вахитов: Я не так много его читал.

С. Ю. Данилин: У него статья есть о литературной критике «Критика как самоцель». Как раз вот он там говорит о том, что литературная критика — это литература о литературе, там аксиологические всякие высказывания возможно проявлять. А наука строится на материальных составляющих, то есть, условно говоря, есть эмпирические данные и комментарии к тексту, это уже сугубо научное литературоведение, точность и так далее.

Р. Р. Вахитов: Я здесь почувствовал именно противопоставление философии науке, причём именно в сугубо таком позитивистском контексте. Что Бахтин философ, мол, а я вот учёный. И такое презрение, что мы опираемся на твёрдые факты, а он опирается на какие-то домыслы. Причём у него отношение к философии такое, какое я часто встречаю у физиков, которые учились в советские времена на основе курсов диамат-истмат, который был жутко нашпигован идеями позитивизма, но об этом тогда не говорили, потому что за это можно было поплатиться. Тут то же самое. Пол Фейерабенд очень хорошо сказал (об этом Лосев много писал, но к Лосеву мало кто на Западе прислушивается, а к Фейерабенду прислушиваются), что не сущес-

твует чистого факта, есть только интерпретация факта. Факт теоретически нагружен. Вот это вот Гаспаров не понимает, мне кажется.

Ю. М. Камильянова: Я не увидела здесь презрения к философии.

Р. Р. Вахитов: Наверное, потому что ты не философ.

(смех)

Ю. М. Камильянова: Мне показалось, что здесь вопрос поставлен достаточно верно, потому что философ говорит (и Гаспаров об этом пишет, верно это подмечает) о должном, о каком-то своём идеале. А литературовед должен бы действительно смотреть на факты.

Б. В. Орехов: Говорить «о сущем».

Ю. М. Камильянова: Да, именно с точки зрения фактов, как они есть. Вторая статья¹, кто её автор?

Б. В. Орехов: Кэрил Эмерсон.

Ю. М. Камильянова: Да, вот она тоже подметила, что есть в современном литературоведении, появилась вот эта тенденция к эзотеризму. То есть везде искать что-то вот такое вот божественное, эзотерическое, таинственное и так далее. Причём со своей вот этой личной как бы литературоведско-философской такой позиции. То есть уже я не только как бы философ и литературовед, я ещё и эзотерик, то есть у меня есть куча каких-то знаний, которые знаю только мне, в принципе. И я начинаю интерпретировать.

Р. Р. Вахитов: Я позволю себе по вопросу об эзотеризме не высказываться, потому что это нас в сторону уведёт.

Ю. М. Камильянова: Это я по поводу второй статьи.

Р. Р. Вахитов: Я не читал вторую статью, к сожалению

Ю. М. Камильянова: Жалко. Она интересная.

Р. Р. Вахитов: Я по пути наименьшего сопротивления пошёл. Я повторю то, что я сказал. Это своего рода утопия: представление о том, что возможна какая-то чистая наука, у которой нет идеалов. То о чём ты говоришь, это действительно позиция Гаспарова, что «у меня как у литературоведа идеалов нет, идеалы — у философов». Ну не видел я литературоведа без идеалов. И даже более того, у Гаспарова тоже есть идеалы.

Ю. М. Камильянова: Он так не пишет! Ты сейчас притягиваешь, он так не пишет.

Р. Р. Вахитов: Ну, ты же сказала об этом.

Ю. М. Камильянова: Он говорит достаточно... как вам сказать...

Б. В. Орехов: Тут где-то есть — я не могу сразу найти эту цитату — где он говорит, что филология — это наука о сущем, а философия — о должном.

¹ Эмерсон, К. Двадцать пять лет спустя: Гаспаров о Бахтине [Текст] / К. Эмерсон // Вопр. литературы. — 2006. — №2. — С. 12—47.

Р. Р. Вахитов: Это правильно, да. Но и в филологии существуют свои представления о должном. И уж у Гаспарова эти представления о должном просто прут из текста.

С. Ю. Данилин: Вообще возможно ли смиренное выслушивание фактов? Рустем Ринатович здесь правильно говорит. Как, собственно, это представляет Гаспаров: переламывание чужих голосов, как это делает в данном случае Бахтин и смиренное выслушивание фактов. Вообще возможно ли смиренное выслушивание фактов без собственного к ним отношения? Такой вопрос возникает.

Б. В. Орехов: Кто может на него ответить?

Ю. М. Камильянова: Какая-то золотая середина должна быть.

М. С. Рыбина: Поиски золотой середины опять-таки будут очередным идеалом, напоминающим линию горизонта.

С. С. Шаулов: Статья Гаспарова, которую мы обсуждаем, появилась в 2004 году. Это статья недавняя, это нужно учитывать. Потому что сейчас в нашем литературоведении как раз нет никакой опоры на факты, практически.

Б. В. Орехов: А Бахтин здесь как пугало просто.

С. С. Шаулов: Дело в том, что Бахтин несёт за это ответственность.

Б. В. Орехов: И Гаспаров об этом пишет.

С. С. Шаулов: И Гаспаров об этом совершенно верно пишет. Резкость статьи Гаспарова обусловлена ситуацией. Потому что литературоведения как такового не осталось. Осталось философствование на литературные темы.

Р. Р. Вахитов: Вот опять же всё зависит от понимания литературоведения, правильно?

С. С. Шаулов: Литературоведение, помимо того, что у него должны быть идеалы, основы интерпретации и прочее, это ещё и история литературы.

Ю. М. Камильянова: Конечно.

С. С. Шаулов: А история литературы всё-таки опирается на такую вещь как исторический факт.

Р. Р. Вахитов: Если вы сейчас скажете, что в истории не существует интерпретации, я вас не пойму.

С. С. Шаулов: В истории существует интерпретация. Понятно. Но когда мне говорят, что князь Мышкин в «Идиоте» — это не князь Христос, а князь Антихрист... На каком основании? «Ну вот мне так кажется».

Р. Р. Вахитов: Нет, понятно, что какая-то доля объективности должна быть. (*общий смех*) И Гаспаров, если рассматривать его выступление как реакцию, его можно понять, но тут ведь другая крайность: тут, по сути, позитивизм.

С. С. Шаулов: Потом. То, что делает Бахтин на материале Достоевского, — это тоже очень спорно.

Р. Р. Вахитов: Этого я не касаюсь, я не знаю.

С. С. Шаулов: Это не совсем Достоевский.

Ю. М. Камильянова: Конечно. Это Бахтин!

С. С. Шаулов: А местами совсем даже не Достоевский.

С. Ю. Данилин: По поводу ответственности Бахтина. Ницше говорил где-то, что «мне нужно оградить своё учение от козлиц или от баранов», что-то в этом духе. Бахтину нужно было сделать так же. Он и пытался сделать так же. Помните, первая его статья «Искусство и ответственность». И пострелятивизм, в котором его тут обвиняют, он пытался его ограничить ответственностью, ответственностью литературоведа в данном случае как представителя интерпретатора искусства. Помните моральный пафос статьи «Искусство и ответственность»? В данном случае люди не вслушиваются в то, что говорит Бахтин, а берут то, что им нужно. И исходя из своих, так скажем, критериев, уже ссылаются просто на Бахтина, который предстаёт просто жупелом. И этим жупелом водит и Гаспаров. А не самим Бахтиным.

С. С. Шаулов: Может быть, может быть.

Р. Р. Вахитов: Ницше и ницшеанцы, Маркс и марксисты, Бахтин и бахтинцы...

А. А. Галлямов: Когда мы учились в университете, и это всё ещё началось, у нас была принципиальная установка не читать Бахтина. Потому что все вокруг так прожужжали это. Точно так же мы не читали Хемингуэя. Принципиально. Потому что все вокруг: «Старик Хэм, старик Хэм»...

Б. В. Орехов: Сейчас Гарри Поттер...

(общий смех)

А. А. Галлямов: Лично меня Бахтин всегда привлекал чем?

Р. Р. Вахитов: А, потом Азамат его всё-таки прочитал!

А. А. Галлямов: Нет, ну естественно. Но это было гораздо позже. Когда всем надоел, тогда уже можно было почитать. Слава Богу, что я открыл его для себя самостоятельно. Лично меня он привлекал отсутствием жёсткой ценностной вертикали: верх—низ. И, мне кажется, вот этого в Бахтине просто пытаются не понимать. Для него главное не то, что есть верх—низ, а то, что есть горизонталь, есть развитие, есть эволюция. А мы обязательно выстраиваем верх—низ, право—лево...

Р. Р. Вахитов: Конкретней можешь сказать?

А. А. Галлямов: Так вот поэтому Бахтина и невозможно канонизировать. А конкретизировать. Точнее сказать... Ну, может быть, его попытка рассмотреть постоянный переход из верха в низ, карнавализация, о которой он говорил, попытка выразить вот эту горизонталь.

С. Ю. Данилин: Амбивалентность.

А. А. Галлямов: Амбивалентность, да. Вот если взять Лосева, Лосев в

этом отношении чрезвычайно плоский.

Р. Р. Вахитов: Не плоский. Плотный, жёсткий. Поэтому он мне и нравится.

А. А. Галлямов: У него жёсткая вертикаль и никуда не денешься. Бахтин в этом отношении гораздо интереснее, там идёт движение.

Р. Р. Вахитов: А правильно я понял, что Гаспаров сомневается в правомочности концепции карнавала?

Ю. М. Камильянова: Да.

Р. Р. Вахитов: Вот про Рабле я книгу читал, поскольку это философия культуры. И нет ни одного серьёзного медиевиста, который не признал бы большую долю правды.

С. С. Шаулов: Много таких медиевистов.

Р. Р. Вахитов: Я не говорю, что с ним все согласны, но это уже очевидно, это вошло в набор прописных истин.

Б. В. Орехов: Нет, я думаю, что это стереотип всё же, что вошло в набор истин.

С. С. Шаулов: Критики много.

С. Ю. Данилин: Просто в чём обвиняет Гаспаров Бахтина в данном случае — это неуважение к фактам. То есть многие факты сопротивляются этой концепции, которую Бахтин выстраивает в своей книге.

Р. Р. Вахитов: А где ты видел концепцию, которой не сопротивляются факты?

Б. В. Орехов: Кстати, этот пассаж довольно интересный у Гаспарова. Гаспаров пишет, например, что в центре обобщений Бахтина стоит «Гаргантюа и Пантагрюэль» Рабле, а на периферии всё, что может иметь любые черты сходства с этой книгой. Насколько вам кажется правомочным такое утверждение?

С. С. Шаулов: Мне кажется, Гаспаров тут наврал.

Б. В. Орехов: Из чего он исходит и как вы для себя это видите?

С. С. Шаулов: В центре всё-таки у Бахтина (ну, может быть, я опять со своей колокольни смотрю) и в центре его мировоззрения Достоевский и русская культура.

Б. В. Орехов: Мне тоже так показалось.

С. С. Шаулов: Потому что если определять концепцию карнавала, которую он создал, одним словом, то это «соборность». Это скорее «Гаргантюа и Пантагрюэль» для него в орбите «Проблем поэтики Достоевского», нежели наоборот.

Б. В. Орехов: Мне тоже так показалось.

С. С. Шаулов: Собственно, в философских работах...

С. Ю. Данилин: Ну, если ещё учесть его высказывание «Евангелие — карнавал», то всё должно быть понятным в данном случае.

С. С. Шаулов: Да-да.

С. Ю. Данилин: То есть карнавал мы имеем в виду не смех и так далее. Здесь гораздо более сложное явление, чем то, что есть на первый взгляд.

С. С. Шаулов: Наверное, Гаспаров передёргивает.

Б. В. Орехов: Но с чего-то же он это взял?

М. С. Рыбина: Гаспаров ограничивает понятие карнавала. Для него это только выплеск в процессе социализации. И получается, что карнавал в принципе был придуман, чтобы дать массам возможность реализовать девиантные формы поведения относительно безвредным для социальной иерархии способом.

Р. Р. Вахитов: Такой немножко вульгарно-марксистский подход.

Б. В. Орехов: О чём уже говорилось сегодня: Гаспаров вкладывает в понятия Бахтина своё понимание.

Р. Р. Вахитов: Если можно, я тоже ещё пару слов скажу. Просто как человек, который философией науки занимался. Когда Гаспаров говорит о том, что Бахтин, по сути, придумывает новую литературу, создаёт какие-то идеальные модели, которые не всем фактам отвечают, тут нужно вот о чём задуматься. Ведь в этом состоит специфика именно научного подхода. Наука не изучает факты, наука не изучает реальность. Допустим, механика не изучает движение реальных тел в реальном пространстве. Она изучает движение материальных точек в евклидовом трёхмерном пространстве. Понимаете? То есть в данном случае должна идти речь о том, что любая литературоведческая концепция создаёт какие-то абстрактные модели. При этом, создавая эти модели, она одни факты игнорирует, считая их несущественными, а другие не игнорирует. Другое дело: где граница?

Б. В. Орехов: А Гаспаров пишет, что Бахтин её давно перешёл.

Р. Р. Вахитов: Но он не говорит о том, что это существует в любом литературоведении.

Б. В. Орехов: Не говорит, но вот эта мениппея, к которой он тут прицепился, стоит слишком далеко за этой границей реальности.

С. Ю. Данилин: Может быть, вы читали его доклад перед защитой. Там он говорит, что пытался нащупать то, что лишь в осколках проявилось, и никак не сохранилась в центральной, официальной линии развития культуры. То есть он говорит лишь о нащупывании.

Б. В. Орехов: Гаспаров тоже говорит, что это лишь осколки.

С. С. Шаулов: Но Достоевского он прямо объявил мениппейным автором.

С. Ю. Данилин: Потом, да, при переиздании, потому что себя он, по крайней мере, убедил в существовании этого параллельного развития культуры.

С. С. Шаулов: Себя убедил!

Р. Р. Вахитов: Вот вы же сами говорили, что довольно условно относить писателя к какому-либо литературному направлению: романтизм, там, допустим, сентиментализм... Я не литературовед, но как философ могу сказать, что, допустим, Лосев правильно показывает: Платон и не идеалист, и не материалист, он просто выламывается за рамки этих ограничений. Тут то же самое, то есть, любая концепция создаёт модель.

Б. В. Орехов: А насколько историко-литературная концепция Бахтина выглядит справедливой? Для Гаспарова она уничижительно не верна абсолютно со всех сторон: «придумана».

С. С. Шаулов: А есть какая-то единая историко-литературная модель Бахтина? Я слабо себе представляю.

Б. В. Орехов: Гаспаров её реконструирует и представляет нашему вниманию

С. С. Шаулов: Это то, что он про мениппею пишет?

Б. В. Орехов: Да. Насколько эта гаспаровская реконструкция справедлива?

С. Ю. Данилин: Здесь, мне кажется, больше филологом-классиком нужно быть.

Б. В. Орехов: Нет, зачем? Если мы говорим о менипповой сатире — да. Но ведь эта модель простирается гораздо дальше, за предмет изучения классической филологии. Собственно, вся история литературы европейской, как я понимаю, здесь Гаспаров, по крайней мере, это так подаёт, укладывается для Бахтина в эту самую концепцию. Он тут так и пишет: «Новая, небывалая литература, программу которой сочинил Бахтин, называлась мениппеей».

С. Ю. Данилин: Ну, Гаспаров тут тоже переборщил. Может быть, кто-то читал, в Интернете есть такой автор, Альфред Барков.

Р. Р. Вахитов: Фамилия знакомая. Шутка.

С. Ю. Данилин: Это другой Барков. Литературоведческая литературная маска такая. Он термином мениппея достаточно свободно оперирует. У него мениппея и «Евгений Онегин», и «Мастер и Маргарита», доводит, мне кажется, до крайности термин «мениппея»: всё хорошее — это мениппея.

Р. Р. Вахитов: А у Гаспарова наоборот: всё плохое!

С. Ю. Данилин: Да, всё плохое. Мне кажется, тоже преувеличение говорить так, как Гаспаров. Бахтин говорит, что есть официальная линия, Гаспаров переворачивает всё с ног на голову. Ведь Бахтин говорит о той линии, которая не проявляется официально, она в осколках, он лишь её нащупывает. Она проявляется подспудно, незаметно для того же Достоевского.

Б. В. Орехов: Лично мне это напоминает разговор о Новой хронологии, где тоже говорится о существовании официальной — «скалигеровской» хронологии и есть то, что «мы реконструируем», то, что «подавляется» и так далее. Это не означает, что догадки Бахтина однозначно неправильны, но

сама по себе риторическая стратегия напоминает.

С. Ю. Данилин: Бахтин историю культуры, мне кажется, видит таким образом: есть официальная серьёзная культура и есть культура неофициальная, несерьёзная (учёное незнание и т.д.). Опять же, мы снова накладываем свои представления. Формалисты старшие/младшие и т.д. — здесь ведь мы тоже оперируем какими-то своими представлениями.

Р. Р. Вахитов: То, что делал Бахтин как историк очень созвучно, допустим, возникшей во Франции школе Анналов. И вообще сейчас на Западе очень широко распространены, особенно во Франции, исследования повседневной истории. Вот я это имел в виду, когда говорил, что Бахтин пишет о том, что сейчас для нас очевидно: что наряду с официальной историей: историей летописей, историей королей, есть ещё повседневная история, которая всё больше привлекает внимание историков.

Б. В. Орехов: Чего мы сегодня не затрагивали: понятно, что Гаспаров очень лично относится к предмету, и поэтому у него проявляются здесь эмоции. Но в частности, среди другого, он довольно явно говорит о том, что Бахтин говорит о том, что ему нравится, и не говорит о том, что ему не нравится. Мениппея — оценочное название того, «что нравится лично Бахтину». А есть ли основания так думать? Понятно, что нам трудно реконструировать интенции Бахтина. Но у Гаспарова совершенно явно говорится о личном отношении. Как вы думаете, в тех соображениях, которые высказывает Бахтин, есть его личное оценочное «нравится/не нравится»?

С. Ю. Данилин: По крайней мере, официальное он отрицал. Он говорил, что есть серьёзная, изученная линия, а есть несерьёзная, неизученная, и его интересует неизученная. То, что становится, то, что является проблемой. Здесь как раз и говорит Гаспаров об этом, что он занимается тем, что разбивается, что не стало как таковое. Бахтин, опять же, на защите диссертации говорил о том, что он нащупывает ту сферу, которая не изучена вообще в принципе.

Б. В. Орехов: Субъективность проявляется только в этом?

С. Ю. Данилин: По крайней мере, так он себя позиционирует. Может быть, он где-то утрирует, но, по крайней мере, он нигде не заявляет, что это ему очень нравится. Но мы можем восстановить его аксиологию в данном случае. Он обращает на это внимание, может быть, ему это чем-то интересно.

Б. В. Орехов: Здесь, наверное, справедливо было бы указать Гаспарову на то, что он говорит о том, для чего оснований не очень много. По тем высказываниям, которые в тексте себя так или иначе проявили, касающимся того, что в центре мира придуманной программы литературы Бахтина стоит «Гаргантюа и Пантагрюэль», что Бахтин себя проявил с точки зрения оценочности, я спросил вашего мнения, действительно было интересно. Может быть, кому-то тоже встретились такие высказывания Гаспарова, которые

просились к обсуждению?»

М. С. Рыбина: Мне показалось достаточно спорным утверждение: «Диалог — это внутреннее состояние индивида, заведомо не выразимое в тексте: явление внутриличностное, а не межличностное». В общем, понятно, о чём идёт речь, но почему только эта сторона?»

С. Ю. Данилин: Диалог — это нашинкованный монолог получается.

М. С. Рыбина: И при том, что уже в любом тексте, всё равно, какой бы текст ни существовал, он будет предполагать адресата сообщения. И, соответственно, таким образом, уже эта внутренняя противоречивость будет заложена: когда я смотрю на себя в зеркало, я смотрю «глазами Другого». Это уже Бахтин.

С. Ю. Данилин: А у Гаспарова наоборот, получается, что в каждом тексте каждый видит сам себя, как в зеркале.

Б. В. Орехов: Ещё какие-то такие обратившие на себя внимание высказывания были, которых мы могли бы коснуться? Есть ещё высказывания, мнения по поводу этого диалога несостоявшегося Бахтина и Гаспарова?

С. Ю. Данилин: Гаспаров, изучая Бахтина, свою методологию здесь и показывает в данном случае. И чем-то, мне кажется, подтверждает самого Бахтина. По большому счёту, он вписывается во всю его систему.

Б. В. Орехов: Там ведь он говорит, что Бахтин берёт то, что не может ответить. То есть, какую-то древнюю менишпею, от которой остались какие-то осколки. В данном случае он так же берёт Бахтина, правда, не в осколках, цельного, но тем не менее.

С. Ю. Данилин: Ну, Бахтин тоже в осколках, по большому счёту.

Б. В. Орехов: Справедливо, у него много отрывков, последние опубликованные заметки и т.д. Но от Бахтина осталось количественно больше текстов, чем от менишпей, от менишповой сатиры, только об этом и речь. Но фактически, так же, как Бахтину не может ответить придуманная им традиция, так же и Гаспарову не может ответить Бахтин.

Л. А. Каракуц-Бородина: Можно в этой связи дилетантский совершенно, простите, вопрос: Бахтин где-то себя позиционирует как филолога? Потому что здесь претензии обрушиваются на тех, кто считает его филологом.

С. Ю. Данилин: Бахтин позиционирует себя как философа.

Л. А. Каракуц-Бородина: Мало ли кто кого кем считает!

Б. В. Орехов: В текстах, насколько я помню, нет, но Бочаров пишет о том, что после того, как он узнал о книге про Достоевского, приехал к Бахтину в Саранск, посмотреть на этого невиданного тогда филолога, как считал сам Бочаров. При этом сам Бахтин себя отмежевал от филологии. Он сказал, что он философ.

С. Ю. Данилин: Сам Бахтин говорит, что для него эстетика — это прос-то наиболее подходящий объект для философского размышления.

Б. В. Орехов: Так же, как для Лосева когда-то?

Р. Р. Вахитов: Ну да, действительно. Но у Лосева там были и личные обстоятельства.

С. Ю. Данилин: Может быть, это и вызвало гаспаровское неприятие? Позиционирование как философа.

Б. В. Орехов: Мне казалось, что Гаспарова больше возмутило бы, если бы Бахтин себя поставил как филолог.

Р. Р. Вахитов: То есть Бахтин не претендовал на звание филолога.

Б. В. Орехов: Но, в общем, Гаспаров его в этом и не обвиняет. Он говорит, что тут есть некий стереотип. Он обвиняет тех, кто считает Бахтина филологом.

Р. Р. Вахитов: ...считает Бахтина филологом. И говорит: «Нет, это я — филолог».

Б. В. Орехов: По поводу этого текста есть ещё какие-то высказывания? Мнения?

А. А. Галлямов: Может быть, попытаться взять какой-то хрестоматийный текст.

Б. В. Орехов: Ну, в общем, почему нет?

А. А. Галлямов: Пушкин!

С. Ю. Данилин: И разобрать его по Гаспарову и по Бахтину.

Р. Р. Вахитов: Бедный Пушкин!

А. А. Галлямов: Он прозрачен. Его легко в этом плане анализировать.

Б. В. Орехов: Я не против, по-моему, это интересное предложение.

А. А. Галлямов: Предлагаю кусочек «Станционного зрителя», мы с Сергеем попытаемся по Бахтину и по Гаспарову разобрать, предложим на ваш суд и снова вернёмся к этой теме. Я за Бахтина буду сочинять, а Сергей, как специалист по Бахтину, сделает по Гаспарову.

Ю. М. Камильянова: То есть вы усложните задачу друг другу?

Л. А. Каракуц-Бородина: А можно от имени Руднева? В популярном жанре.

Р. Р. Вахитов: А Фрейда вам не надо?

Б. В. Орехов: Коллеги! Встречное предложение: давайте назначим конкретную дату. В противном случае, я боюсь, это останется красивой идеей. Предлагаю вторую пятницу декабря. Вы успеете?

А. А. Галлямов: Успеть-то успеем.

Л. А. Каракуц-Бородина: То есть получается через месяц фактически?

А. А. Галлямов: 14 декабря это будет.

Ю. М. Камильянова: Ну, давайте пока так наметим.

Р. Р. Вахитов: Борис, это будет сугубо литературоведческий семинар?

Б. В. Орехов: Ну, наверное, нет, он тоже будет методологический, как и сегодня. Мне кажется, вы найдёте там для себя полезное. Итак, догово-

риваемся о встрече в следующий раз 14 декабря с разбором «Станционного зрителя»?»

А. А. Галлямов: Нет, четыре абзаца всего берём.

Ю. М. Камильянова: Какие именно абзацы берём?

А. А. Галлямов: Начинается: «Три года тому назад однажды в зимний вечер, когда зритель разлинеивал новую книгу...». Это последнее предложение предыдущего абзаца, но мы его сделаем началом абзаца. И дальше вот эти три абзаца до отъезда: «Ямщик свистнул и лошади поскакали». Вот до этого места. И этого кусочка хватит.

Б. В. Орехов: Хорошо, значит, у нас будут предположительно Гаспаров, Бахтин и Руднев.

Ю. М. Камильянова: Борис Валерьевич! И Фрейд.

Р. Р. Вахитов: Про Фрейда я пошутил.

Б. В. Орехов: Коллеги, оказывается, не все сегодня присутствующие могут быть 14-го.

Р. Р. Вахитов: Им нужно быть на Сенатской площади?

(дружный смех)

Б. В. Орехов: Хорошо, назначаем литературоведческий эксперимент с Рудневым заочно, Гаспаровым и Бахтиным лично на 14-е декабря.

У нас есть ещё послание из сферы, которая нам недоступна. Вопрос, касающийся уже непосредственно методологии науки от д.ф.н. Эльвины Ахнафовны Салиховой. Поскольку наша сегодняшняя встреча записывается, ваши ответы не потеряются и будут переданы Эльвине Ахнафовне. Её реплика формулируется следующим образом. Прошу внимания.

Методология исследования: влияние принципов на объект и терминологический корпус научного изыскания

Каковы принципы и установки в выборе методологии исследования? Каким образом они определяют объект исследования, влияют на терминологический корпус научного изыскания?

Современная отечественная лингвистика, по признанию многих исследователей, принципиально парадигмальна: в ней можно обнаружить и «классические» структурные исследования, и психологическую или культурологическую, философскую и пр. интерпретации языковых явлений, и сравнительно-исторические штурмы, и многочисленные «комплексные» исследования междисциплинарных проблем, которые зачастую вообще трудно отнести к какой-либо исследовательской парадигме. Вероятно, по этой причине и проблема терминологической упорядоченности в лингвистике, равно как и в других гуманитарных науках, остается актуальной. Соглашаясь с В. А. Пищальниковой в том, что многие вопросы терминологических расхождений порождены не столько сложностью лингвистических проблем и терминов, но также и не всегда корректным

употреблением последних и несоблюдением методологических требований к научному исследованию, дополним: очень часто игнорируется требование о необходимости заимствованного из другой исследовательской парадигмы. Так, проблема разграничения понятий *концепт* и *значение*, которая в современной лингвистической теории стала одной из актуальных, на мой взгляд, в сильной степени обусловлена тем, что для ряда исследователей, к сожалению, не вполне ясным оказывается противопоставление языка-феномена и языка как научного объекта. Из методологии научного исследования известно, что научный объект задается совокупностью параметров, которую исследователь отбирает произвольно. Эта совокупность зависит не только от цели и материала исследования, но и от теоретико-методологической основы исследования. В результате предположения ученого о связях выделенных в реальном объекте параметров формируется научный объект как определенная модель реального объекта. Сколь бы различно ни понималась лингвистическая модель, в любом случае она — порождающая структура.

Р. Р. Вахитов: Ну, я об этом и говорил, собственно.

Б. В. Орехов: То есть, Вы уже ответили.

Р. Р. Вахитов: Я говорил, что наука не изучает реальность. Точнее, эмпирическую реальность. Наука изучает идеальную реальность. То есть как платоник я могу сказать, что наука изучает логосную, низшую часть эйдосов, но это сложно будет.

Б. В. Орехов: Я думаю, что так как раз проще.

Р. Р. Вахитов: Наука изучает идеальные модели. Упрощённые. Они имеют только определённое касательство к реальности. Учёный действительно всегда отбирает то, что ему кажется существенным. Что-то может казаться существенным, что-то может казаться несущественным.

С. Ю. Данилин: А эксперимент?

Р. Р. Вахитов: Здесь определённый субъективизм присутствует. Что касается экспериментального подтверждения, то оно не обладает такой, как мне кажется, эвристической силой, которую ей приписывают позитивисты. Я не люблю Поппера, но из того, что я его не люблю, это не значит, что он во всём был не прав. К сожалению, сволочь, иногда был прав. Поппер прекрасно показал, что, по сути дела, ни одно научное положение нельзя полностью верифицировать логически безупречно. Все научные положения так или иначе гипотетичны. Конечно, это не значит, что все гипотезы равноценны. Но из того факта, что, допустим, мы проводим эксперименты и эти эксперименты подтверждают нашу теорию электричества, ещё не значит, что мы знаем, что такое электричество. Вот один хороший физик-теоретик как-то мне сказал, что самое странное — это что лампочки горят. Ведь мы не знаем, что такое электрон. И чем больше мы пытаемся в этом разобраться, тем меньше мы о нём знаем. А лампочки горят!

Б. В. Орехов: С языком та же самая история.

Р. Р. Вахитов: То есть эксперимент сам по себе ни о чём не говорит.

Б. В. Орехов: Так какие же принципы и установки при выборе методологии в науке? Кажется, у Ваших коллег были какие-то тоже реплики?

А. А. Галлямов: Насчёт субъективизма. Это просто обязательное условие. Ведь точки отсчёта мы задаём произвольно.

Р. Р. Вахитов: Ведь здесь же Лосев хорошо ответил на этот вопрос: существует мифологический критерий истины. Азамат Абдрахманович совершенно правильно сказал: мы не объекты, мы субъекты. Поэтому мы не можем не подходить субъективно. Другое дело, что мы должны какую-то внутреннюю диалектику нашей субъективности раскрыть. Ведь это же мифологическая картина мира — то, что мы называем научной теорией.

С. Ю. Данилин: В лосевском понимании.

Р. Р. Вахитов: В лосевском понимании. Миф не как вымысел, а как определённый взгляд на мир.

А. А. Галлямов: Уже можно не оговариваться после Лосева.

Р. Р. Вахитов: Нужно оговариваться. Люди не понимают просто.

А. А. Галлямов: Проблема, мне кажется, заключается в чём? До недавнего времени существовала точка зрения, что есть мир вне нас и есть некоторое я, познающее этот мир. А возможна и другая точка зрения: что человек существует в качестве колебательного контура. В качестве осциллятора. Я существую постольку, поскольку есть остальные, с которыми я резонирую. При таком подходе возникают проблемы терминологического аппарата. Как только мы его задали... Но мы его задаём-то дискретным образом, а это же существует континуально. И тут возникает проблема того самого Кратила.

Р. Р. Вахитов: То есть это говорит о дополнительной необходимости договариваться? То есть, как бы переводить из контекста одной парадигмы в контекст другой. Вот я не филолог, и тут мало что могу вам сказать, но вот как философ я могу сказать, что до сих пор идеалисты и материалисты спорят, не понимая, что термины «идея» и «материя» в той или иной парадигме разные значения имеют. То, что для материалиста «материя», для идеалиста не материя.

С. Ю. Данилин: То же самое было с термином диалог — каждый понимает своё совершенно. При этом то, что имел в виду Бахтин, даже не сопоставимо с тем, про что говорит Гаспаров.

А. А. Галлямов: Греческий эйдос — это только то, что видишь.

Р. Р. Вахитов: Ленин говорит, допустим, материя — это окружающий нас мир. А для Аристотеля, например, окружающий нас мир — это уже синтез материи и идеи.

Б. В. Орехов: С Бахтиным ещё хуже, он ведь нигде точных определений не даёт. В общем, он сам нарвался на Гаспарова.

С. Ю. Данилин: Просто он писал для себя, так что точные определения ему были не нужны.

Р. Р. Вахитов: Я вот считаю, что представители частных наук (это не какой-то философский снобизм, у меня и к философии довольно критическое отношение; для философии должны быть ограничения, потому что если мы её ограничим, мы поймём, что это такое) не осознают, к сожалению, каких-то философских оснований своих взглядов. Они у них есть, стихийно, интуитивно.

А. А. Галлямов: А можем ли мы, выступая в качестве стороннего наблюдателя, рассматривать себя ещё и внутри самой системы, которую мы изучаем?

Б. В. Орехов: Метаязык как будто для того и придуман?

А. А. Галлямов: Метаязык — он существует? В том объекте, который мы описываем.

С. С. Шаулов: Он не даёт реального выхода за границы наблюдаемой картины.

Л. А. Каракуц-Бородина: В лингвистике существует понятие тренированной интроспекции исследователя.

С. С. Шаулов: Мне сложно представить, что такое тренированная интроспекция у литературоведа.

Л. А. Каракуц-Бородина: Мне сложно представить самой, что такое тренированная интроспекция у лингвиста.

А. А. Галлямов: Кванты кто изобрёл? Пауль?

Р. Р. Вахитов: Ну, он не изобрёл.

(дружный смех)

Б. В. Орехов: Это к вопросу о метаязыке, кстати.

А. А. Галлямов: Когда его спросили, как ему удалось убедить физиков, что кванты существуют, он сказал, что предыдущее поколение физиков просто вымерло.

Р. Р. Вахитов: Пол Фейерабенд говорил, что в науке парадигмы сменяются не так, как в политике. В политике гражданская война просто уничтожает представителей старой парадигмы, и новое торжествует. А в науке приходится ждать, пока они сами вымрут. Он хотел так проиллюстрировать теорию относительности. Он хотел сказать, что как бы ни были исчерпывающи, как говорят позитивисты, экспериментальные доказательства теории Эйнштейна (кстати говоря, они далеко не исчерпывающи), большинство физиков старой закалки не соглашались с этим. Не хотели это принимать, потому что мировоззренческие основы теории были им чужды. И вот когда они уже умерли, а их места заняли люди, которые со студенческой скамьи впитали теорию относительности, тогда она восторжествовала. И ещё я добавлю, если можно. Я не марксист, но в данном случае, мне кажется, уместно о марксизме

вспомнить именно в контексте того, о чём говорил Азамат Абдрахманович, что все мы являемся частями целого. Нас пугает, когда я говорю, что нужно просто честно относиться к своей позиции и не нужно искать единственную опору в факте, а нужно понять, что у нас есть какие-то общие положения, относительно которых мы интерпретируем факт. Нас пугает, что здесь мы вступаем в субъективность: у одного одни общие положения, у другого другие общие положения. Но для того и существует диалектика, чтобы эти общие положения согласовывать. Я хочу вот о чём сказать. Они ведь тоже возникают не из ничего. Марксисты здесь совершенно правы, говоря, что они возникают, потому что мы являемся частями целого. Они порождены не столько нами, сколько эпохой. Вот здесь ведь Маркс во многом предвосхитил тезис структуралистов о смерти автора. Когда Маркс говорит, что человек — это совокупность общественных отношений, он, по сути, говорит: «Автор умер». Просто нужно переформулировать это с языка марксизма на язык структурализма. А если автор умер, то какой тут субъективизм? Что вы переживаете?
